

ВЕЛИКИЙ БОГ ПАН

АРТУР МЕЙЧЕН

Пан не умер

Артур Мейчен
Великий Бог Пан

«Автор»

2026

Мейчен А.

Великий Бог Пан / А. Мейчен — «Автор», 2026

Лондон конца XIX века. Респектабельные клубы и тихие обеды — и под всем этим слой кошмара, проступающий сквозь реальность, как пятно крови на белой скатерти. Доктор Раймонд, одержимый идеей трансцендентальной медицины, проводит эксперимент на мозге девушки Мэри — открывает её сознание тому, что древние называли «узрением бога Пана». Мэри видит нечто и сходит с ума. Но ужас не заканчивается. Проходят годы — и в лондонских салонах появляется таинственная миссис Бомонт. Там, где она возникает, люди гибнут страшной смертью: набрасывают петлю на шею, кричат от ужаса, глядя на пустоту. Без прямых монстров, одними намёками и тенями Мейчен заставляет содрогнуться перед бездной под ногами. «Великий бог Пан» — философская притча о пределах познания и о древних силах, что лишь ждут своего часа. Для поклонников Лавкрафта и Кинга. Пан не умер. Он смотрит на вас с каждой страницы.

© Мейчен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступительное слово	5
ІЭКСПЕРИМЕНТ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артур Мейчен Великий Бог Пан

Вступительное слово

Артур Мейчен — фигура в литературе почти легендарная, но до сих пор недооценённая. Уэльский мистик, знаток оккультных традиций, журналист и актёр, он создал несколько произведений, которые навсегда изменили лицо литературы ужаса. «Великий бог Пан» (1894) — его самая известная повесть, и она до сих пор остаётся одной из самых жутких книг, когда-либо написанных на английском языке. Стивен Кинг называл её «возможно, лучшей историей ужасов на английском», а Говард Лавкрафт, сам мэтр космического ужаса, видел в Мейчене одного из своих главных предшественников.

Но что делает эту повесть столь необычной? На первый взгляд это классическая викторианская история о декадентском эксперименте, тёмных силах и роковой женщине. Но Мейчен ломает привычные рамки. Его ужас — не в призраках и не в монстрах, а в самой идее, что за тонкой оболочкой привычного мира скрывается нечто совершенно иное, нечеловеческое, древнее и бесконечно более реальное, чем наша повседневность. Эксперимент доктора Раймонда — не просто медицинский или магический, это философский акт, вскрывающий ту самую «вуаль», за которой, по мысли Мейчена, лежит подлинная реальность — мир, населённый силами, для которых человеческая душа — всего лишь удобная оболочка.

Мейчен черпает вдохновение из двух источников, на первый взгляд несовместимых: из современной ему неврологии (он внимательно следил за опытами с мозгом, описанными в тогдашней научной прессе) и из древнего языческого культа Пана, бога природы, сексуальности и панического (отсюда слово «паника») ужаса. Соединение этих двух миров — лаборатории и леса — даёт поразительный эффект. Ужас Мейчена почти всегда остаётся за кадром, он — в намёках, в обрывках фраз, в выражениях лиц. Читатель вместе с героями лишь краем глаза видит то, что не должно быть увидено, и этого достаточно, чтобы душа содрогнулась.

«Великий бог Пан» — это ещё и повесть о пределах человеческого познания. Мейчен мастерски играет с классической для конца XIX века темой тонкой грани между наукой и безумием, знанием и разрушением. Его доктор Раймонд — фигура трагическая: он открывает истину, но расплачивается за это не только своей жизнью, но и судьбой близких. Как и многие викторианские интеллектуалы, он верит, что знание — сила, но не подозревает, что некоторые знания несут не освобождение, а гибель.

И, наконец, это одна из самых сильных историй о женском начале в английской литературе. Елена Воган — не просто «фатальная женщина»; она — воплощение архаической, дочеловеческой силы, которая не подчиняется никакой морали, никаким социальным нормам. Мейчен, сам человек глубоко религиозный, тем не менее создаёт образ, в котором мистический страх перед женской природой достигает почти мифологического звучания.

Перед вами — новый перевод повести, выполненный с установкой на то, чтобы передать читателю не только смысл, но и ту особую, тревожную атмосферу, которую Мейчен создавал с помощью сложного синтаксиса, медленного ритма и точных, почти хирургических деталей. Старая переводческая традиция часто сглаживала углы мейченовской прозы, делала её более «литературной» и менее резкой. Мы постарались вернуть тексту его первоначальную остроту и свежесть, приблизив его к современному русскому читателю без ущерба для эпохи и авторского стиля.

«Великий бог Пан» — книга, которую невозможно забыть. Она не столько рассказывает историю, сколько оставляет в сознании пустоту, которую ничем не заполнить, — такую же,

как та бездна, что зияет в финале. Если вы готовы заглянуть туда, куда не смотрит никто, — открывайте эту повесть. Но помните: Пан не умер. Он только спит.

АРТУР МЕЙЧЕН

ВЕЛИКИЙ БОГ ПАН

ІЭКСПЕРИМЕНТ

— Рад, что вы пришли, Кларк, очень рад. Не был уверен, что вы сможете выкроить время.

— Мне удалось вырваться на несколько дней; сейчас работы немного. Но у вас нет сомнений, Раймонд? Это абсолютно безопасно?

Двое мужчин медленно прохаживались по террасе перед домом доктора Раймонда. Солнце ещё висело над западной грядой, но свет его уже поплёк до тусклого красного свечения, не отбрасывавшего теней; воздух застыл в безмолвии. С холма, поросшего лесом, тянуло сладковатым дыханием, и время от времени оттуда доносилось мягкое воркование лесных голубей. Внизу, в широкой красивой долине, река петляла между одинокими холмами; когда же солнце замедлило свой бег и стало клониться к закату, над грядками поднялся лёгкий туман, ослепительно-белый. Доктор Раймонд резко повернулся к другу.

— Безопасно? Разумеется. Сама операция проста; любой хирург с ней справится.

— А на других стадиях нет риска?

— Никакого, абсолютно никакой физической опасности, даю слово. Вы всегда мнительны, Кларк, всегда; но вы знаете мою работу. Последние двадцать лет я посвятил трансцендентальной медицине. Меня называли шарлатаном и обманщиком, но всё это время я знал, что иду верным путём. Пять лет назад я достиг цели, и с тех пор каждый день был лишь подготовкой к тому, что мы сделаем сегодня ночью.

— Мне хотелось бы верить, что это правда. — Кларк нахмурился и с сомнением посмотрел на доктора. — Вы совершенно уверены, Раймонд, что ваша теория — не фантазмагория? Великолепное видение, спору нет, но лишь видение?

Доктор Раймонд остановился и резко обернулся. Это был худощавый мужчина средних лет с бледным желтоватым лицом, но, отвечая Кларку, он вдруг зарделся.

— Оглянитесь, Кларк. Вы видите гору и холмы, гряду за грядой, словно морские валы; вы видите леса и сады, поля спелой пшеницы и луга, сбегающие к тростниковым зарослям у реки. Вы видите меня, стоящего рядом, и слышите мой голос; но я говорю вам, что все эти вещи — от звезды, что только что зажглась в небе, до твёрдой земли под ногами — всё это лишь сны и тени; тени, скрывающие от нас настоящий мир. Настоящий мир существует, он за этим обманом, за этим видением, за всеми этими «охотничьими бегами в Аррасе, снами наяву» — за ними всеми, как за вуалью. Не знаю, удавалось ли кому приподнять эту вуаль; но я знаю, Кларк, что сегодня ночью мы увидим, как она приподнимется перед глазами другого человека. Можете считать это бредом; возможно, это странно, но это истина — и древние знали, что значит приподнять вуаль. Они называли это — узреть бога Пана.

Кларк вздрогнул; белый туман, поднимавшийся над рекой, был холоден.

— Это воистину удивительно, — сказал он. — Мы стоим на пороге странного мира, Раймонд, если то, что вы говорите, — правда. Полагаю, нож необходим?

— Да; небольшое повреждение серого вещества, и всё; микроскопическая перестановка клеток, которую не заметили бы девяносто девять специалистов из ста. Не буду утомлять вас подробностями, Кларк; я мог бы выдать вам массу технических деталей, которые звучали бы внушительно и оставили бы вас в таком же неведении. Но, возможно, вы читали в газетах, что в физиологии мозга за последнее время сделаны огромные шаги. На днях я видел заметку о теории Дигби и открытиях Брауна Фабера. Теории и открытия! Там, где они сейчас, я стоял пятнадцать лет назад, и, поверьте, последние пятнадцать лет я не топтался на месте. Достаточно сказать, что пять лет назад я сделал открытие, о котором упомянул, — когда сказал, что десять лет назад достиг цели. После многих лет труда, после многих лет борьбы и ошупью во тьме, после дней и ночей разочарований, а иногда и отчаяния, когда я временами холодел при мысли, что, возможно, другие ищут то же, что и я, — наконец, после столь долгого времени, внезапная радость пронзила мою душу, и я понял, что путь окончен. То, что казалось тогда и кажется до сих пор случайностью — подсказка мимолётной праздной мысли, развитая по знакомым тропам, которые я проторил уже сотню раз, — великая истина открылась мне, и я увидел, очерченную линиями света, целую вселенную: неизведанную сферу, континенты и острова, и великие океаны, по которым не плавал ни один корабль — насколько я верю — с тех пор, как человек впервые поднял глаза и увидел солнце, и звёзды небесные, и тихую землю внизу. Вы

сочтёте это высокопарными словами, Кларк, но трудно говорить без образов. И всё же; не знаю, нельзя ли то, на что я намекаю, изложить просто и ясно. К примеру, наш мир ныне плотно опоясан телеграфными проводами и кабелями; мысль — со скоростью, почти равной скорости мысли, — вспыхивает от восхода до заката, от севера до юга, через моря и пустыни. Предположим, какой-нибудь современный электрик внезапно осознал бы, что он и его коллеги всего лишь играли в камешки, принимая их за основания мира; предположим, он увидел бы, как бескрайний простор открыт для тока, и слова людей летят к солнцу и дальше, в иные системы, и голоса говорящих эхом звучат в пустой бездне, что ограничивает нашу мысль. Это довольно точное подобие того, что сделал я; теперь вы можете немного понять, что я чувствовал, стоя здесь однажды вечером; это был летний вечер, долина выглядела почти так же, как сейчас; я стоял здесь и видел перед собой невыразимую, немислимую пропасть, что зияет между двумя мирами — миром материи и миром духа; я видел великую пустую глубину, тускло простиравшуюся предо мной, и в то мгновение мост света перекинулся от земли к неведомому берегу, и бездна была пересечена. Можете заглянуть в книгу Брауна Фабера, если хотите, и обнаружите, что учёные мужи до сих пор не могут объяснить присутствие или определить функции определённой группы нервных клеток в мозгу. Эта группа — словно земля в аренду, пустошь для фантастических теорий. Я не в положении Брауна Фабера и специалистов; я прекрасно осведомлён о возможных функциях этих центров в общей схеме. Прикосновением я могу привести их в действие; прикосновением, говорю я, я могу высвободить ток; прикосновением я могу завершить сообщение между этим миром чувств и — мы закончим предложение позже. Да, нож необходим; но подумайте, чего достигнет этот нож. Он сокрушит твёрдую стену чувств, и, вероятно, впервые с сотворения человека дух воззрит на мир духов. Кларк, Мэри узрит бога Пана!

— Но вы помните, что писали мне? Я полагал, потребуется, чтобы она...

Он прошептал остальное на ухо доктору.

— Вовсе нет, вовсе нет. Это вздор. Уверяю вас. Напротив, так лучше; я совершенно убеждён в этом.

— Хорошо обдумайте это, Раймонд. Это большая ответственность. Может пойти что-то не так; вы будете несчастны до конца своих дней.

— Нет, не думаю, даже если случится худшее. Как вам известно, я спас Мэри с улицы и от почти верной голодной смерти, когда она была ребёнком; я считаю, что её жизнь принадлежит мне, чтобы распоряжаться по своему усмотрению. Идёмте, уже поздно; нам лучше войти в дом.

Доктор Раймонд провёл гостя через холл и вниз по длинному тёмному коридору. Он достал из кармана ключ, отпер тяжёлую дверь и жестом пригласил Кларка войти в лабораторию. Когда-то здесь был бильярдный зал; свет проникал через стеклянный купол в центре потолка, откуда всё ещё струился унылый серый свет на фигуру доктора, когда тот зажигал лампу с тяжёлым абажуром и ставил её на стол посередине комнаты.

Кларк огляделся. Почти ни пяди стены не оставалось свободной; повсюду стояли полки, уставленные бутылками и склянками всех форм и цветов, а в одном конце находился маленький книжный шкаф работы Чиппендейла. Раймонд указал на него.

— Видите этот пергамент, Освальд Кроллиус? Он был одним из первых, кто указал мне путь, хотя не думаю, что он сам когда-либо его нашёл. Вот его странное изречение: «В каждом зерне пшеницы скрыта душа звезды».

В лаборатории было немного мебели: стол посередине, каменная плита со стоком в углу и два кресла, в которых сидели Раймонд и Кларк, — вот и всё, если не считать странного кресла в дальнем конце комнаты. Кларк взглянул на него и поднял брови.

— Да, это то самое кресло, — сказал Раймонд. — Пожалуй, поставим его на место.

Он встал и подкатил кресло к свету; принялся поднимать и опускать его, опускать сиденье, устанавливая спинку под разными углами и регулировать подставку для ног. Оно выгля-

дело довольно удобным, и Кларк провёл рукой по мягкому зелёному бархату, пока доктор управлялся с рычагами.

— А теперь, Кларк, располагайтесь поудобнее. У меня часа два работы; кое-что я был вынужден оставить на последний момент.

Раймонд подошёл к каменной плите, и Кларк уныло наблюдал за ним, пока тот склонялся над рядом склянок и зажигал пламя под тиглем. У доктора была маленькая ручная лампа с таким же абажуром, как у большой, на полке над аппаратурой, а Кларк, сидевший в тени, смотрел на огромную сумрачную комнату, дивясь странным эффектам яркого света и неясного мрака, противоборствовавшим друг другу. Вскоре он почувствовал странный запах, сначала едва заметный намёк, и, когда он стал явственнее, Кларк с удивлением понял, что его не тянет ни в аптеку, ни в операционную. Он машинально попытался проанализировать ощущение и, уже полубессознательно, начал думать о дне пятнадцатилетней давности, когда он бродил по лесам и лугам близ своего дома. Это был знойный день в начале августа; жара сглаживала туманной дымкой очертания всех вещей и расстояний, а люди, поглядывавшие на термометр, говорили о небывалых показателях, о температуре почти тропической. Странно, что тот чудесный жаркий день пятидесятих годов вновь встал в воображении Кларка; ощущение ослепительного, всепроникающего солнечного света, казалось, стёрло тени и свет лаборатории; он снова чувствовал, как горячий воздух порывами бьёт в лицо, видел марево, поднимающееся над дёрном, и слышал мириады летних шумов.

— Надеюсь, запах не беспокоит вас, Кларк; в нём нет ничего вредного. Может лишь немного усыпить, и всё.

Кларк отчётливо слышал слова и знал, что Раймонд говорит с ним, но, как ни старался, не мог вырваться из оцепенения. Он мог лишь думать об одинокой прогулке, которую совершил пятнадцать лет назад; это был его последний взгляд на поля и леса, знакомые ему с детства, и теперь всё это стояло перед ним в ярком свете, как картина. Прежде всего в ноздри ему ударил запах лета — смешанный аромат цветов и благоухание леса, прохладных затенённых мест, глубоко в зелёных чащах, исторгнутый солнечным жаром; и запах доброй земли, лежавшей, казалось, с распростёртыми объятиями и улыбающимися устами, пересилил всё. Мечты заставили его брести, как когда-то давно, из полей в лес, следуя по маленькой тропинке между блестящими зарослями буков; и журчание воды, капающей с известняковой скалы, звучало ясной мелодией во сне. Мысли начали путаться и смешиваться с другими мыслями; буковая аллея превратилась в тропу между каменными дубами, и там и сям виноградная лоза взбиралась с ветки на ветку, пуская вьющиеся усики и свешиваясь гроздьями пурпурного винограда, а редкие серовато-зелёные листья дикой маслины выделялись на тёмных тенях каменных дубов. Кларк, в глубоких складках сна, осознавал, что тропа от отцовского дома привела его в неведомую страну, и он дивился странности всего этого, как вдруг, вместо летнего гула и ропота, бесконечная тишина, казалось, опустилась на всё, и лес затих, и на мгновение он оказался лицом к лицу с присутствием — не человеком и не зверем, не живым и не мёртвым, но всем смешанным, формой всего, лишённой всякой формы. И в тот миг таинство тела и души разрешилось, и голос, казалось, вскричал: «Пойдём отсюда», — а затем тьма, тьма за звёздами, тьма вечности.

Когда Кларк очнулся с внезапным толчком, он увидел, что Раймонд наливает несколько капель какой-то маслянистой жидкости в зелёную склянку, которую тут же плотно закупоривает.

— Вы задремали, — сказал он. — Дорога, видно, утомила вас. Всё готово. Я пойду за Мэри; вернусь через десять минут.

Кларк откинулся в кресле и задумался. Казалось, он перешёл из одного сна в другой. Он почти ожидал, что стены лаборатории растают и исчезнут, и он проснётся в Лондоне, содрогаясь от собственных сонных фантазий. Но наконец дверь открылась, и доктор вернулся, а за

ним вошла девушка лет семнадцати, одетая во всё белое. Она была так прекрасна, что Кларк не удивился тому, что писал ему доктор. Она покраснела теперь — лицо, шея, руки, но Раймонд казался невозмутимым.

— Мэри, — сказал он, — час настал. Ты совершенно свободна. Готова ли ты полностью довериться мне?

— Да, дорогой.

— Вы слышите это, Кларк? Вы мой свидетель. Вот кресло, Мэри. Всё очень просто. Сядь и откинься. Ты готова?

— Да, дорогой, совсем готова. Поцелуй меня перед тем, как начнёшь.

Доктор наклонился и поцеловал её в губы, довольно ласково. — Теперь закрой глаза, — сказал он. Девушка сомкнула веки, словно устала и жаждала сна, и Раймонд поднёс зелёную склянку к её ноздрям. Лицо её побелело, блее платье; она слабо забилась, а затем, с чувством покорности, сильным в ней, скрестила руки на груди, как малое дитя перед молитвой. Яркий свет лампы падал прямо на неё, и Кларк наблюдал, как перемены скользили по её лицу, словно перемены в холмах, когда летние облака плывут по солнцу. И вот она лежала, белая и неподвижная, и доктор приподнял одно из её век. Она была совершенно без сознания. Раймонд сильно нажал на один из рычагов, и кресло мгновенно откинулось. Кларк увидел, как он выстригает круг, наподобие тонзуры, из её волос, и лампа была придвинута ближе. Раймонд взял маленький сверкающий инструмент из футляра, и Кларк отвернулся с содроганием. Когда он взглянул снова, доктор уже перевязывал сделанную им рану.

— Она очнётся через пять минут. — Раймонд всё ещё был совершенно спокоен. — Больше ничего не нужно; остаётся только ждать.

Минуты проходили медленно; они слышали медленный, тяжёлый, размеренный тик. В коридоре стояли старые часы. Кларка тошнило и мутило; колени дрожали, он едва стоял на ногах.

Вдруг, пока они смотрели, они услышали долгий протяжный вздох, и внезапно цвет, исчезнувший было, вернулся на щёки девушки, и внезапно её глаза открылись. Кларк содрогнулся перед ними. Они сияли ужасным светом, глядя вдаль, и великое изумление легло на её лицо, и руки её протянулись вперёд, словно касаясь невидимого; но в одно мгновение изумление угасло, уступив место самому ужасному страху. Мышцы её лица ужасно исказились, она забилась с головы до ног; душа, казалось, боролась и содрогалась внутри дома плоти. Это было ужасное зрелище, и Кларк бросился вперёд, когда она с воплем рухнула на пол.

Три дня спустя Раймонд привёл Кларка к постели Мэри. Она лежала с широко открытыми глазами, мотая головой из стороны в сторону и бессмысленно скалясь.

— Да, — сказал доктор, всё ещё совершенно спокойно, — очень жаль; она безнадёжная идиотка. Однако ничего нельзя было поделать; и, в конце концов, она узрела Великого Бога Пана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.